

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Этюд

Сегодня день удался с самого начала, светило солнце, что лучше для репортажа на улице, успели в Виктором, наш оператор съездить на выставку посвященную освоению севера, буквально за тридцать минут все сняли и еще взяла два интервью, а после заехали в школу, она после пожара, просила Оля для нее заснять материал, далее мы полетели к мосту влюбленных там днем намечалось театральное шоу, и мы его застали, а после умудрились еще заехать в музей, там новая экспозиция, и вот теперь у меня целых два часа до следующего репортажа, я сижу в парке, устроилась под липу, она еще не цветет, но вот-вот начнет, какой тогда будет тонкий, дурмящий запах, люблю его. Сердце так и бьется, а ноги готовы бежать, ритм моей жизни и так уже лет пять, нет больше семь или итого больше.

Я работаю на ВГТР Регион Тюмень, крупнейшая и самая старая телекомпания нашей области, правда в ней мало, что вообще меняется, когда Макс, это мой муж в период перестройки начал там работать, как он ругался и выходил из себя по пустякам, кругом пенсионеры или около того, им ничего уже не надо, бурчат свои новости, чавкают губами делая вид, что это хоть кому-то да интересно, они ошибались. С трудом Макс и его ребята, только, что из институтов добились своей передачи и пошло, и поехало, со временем все же сместили стариков, стало веселей, а вот директор Омельчук как сидел, так и сидит на своем месте, жуть полная и еще умудряется каждый день вести свои авторские передачи, мы ему показывали отчеты рейтингов, что в период, когда он в эфире, а это самый пик, зрительская аудитория практически сходит на ноль, но, нам так и не удалось его сдвинуть, обидно, а столько интересного в городе.

Посмотрела на часы, еще полтора часа, что делать, не привыкла сидеть, как встаешь так весь день, только ноги к вечеру гудят и голова на плечах шатается хочется прислонится и уснуть, хотя в прочем куда я бегу, думала об этом много раз, но так и не нашла ответа и продолжаю в том же духе, порой кажется бесполезную работу. Посмотрела по сторонам, юные художники устроились в тени и рисовали парк, вот счастливые, они понимают и чувствуют время и удовольствие от своего творчества, я же уже и забыла, что такое трепет в душе, когда берешь интервью, заикаешься, вспоминаешь вопросы, а потом монтируешь и чувствуешь улыбку, когда твой материал в эфире, но сейчас это стало рутиной.

Подошла поближе, чтобы посмотреть на работы художников, они даже не обратили на меня внимание, так были поглощены своей работой, что если бы даже дождь пошел они навряд ли пошевелились, а у него красиво получается, цветные мелки, еще в начальной школе несколько лет ходила в художку, но после бросила и полностью ушла в спорт. Сразу нахлынули воспоминания, как я бегала из школы домой и на гимнастику, мне она очень нравилась, получала дипломы, даже раз втрое место на областных соревнованиях заняла, ездила на сборы, веселое время было, но после школы все забросила, у меня не были потрясающих результатов, но я до сих пор люблю спорт вот и бегаю по утрам, еще хожу в тренажерный зал, чувствуешь как мышцы спины напрягаются, как пальцы сжимают руль тренажера, как пресс втягивает остатки живота, вечная борьба с ним, как икры мышц поднимают тебя, это неопишуемое чувство восторга в дыхании, в легкости во всем теле, это так здорово, надо только чуточку помочь нашему телу, как это большинство не понимают. Я стройная, красивая, по крайней мере мне так говорят, брюнетка, короткая стрижка, можно

сказать под юношу или мальчика кому как, хотя мне уже под тридцать семь лет, жуть как много.

Подошла поближе рассмотреть рисунок того самого юного художника, цвета странные, пастельные, я посмотрела, что он рисует, но там и близко не было того цвета, что у него, но именно это и было замечательным в его работе, не как у всех, у него свой удивительный взгляд, а как он четко накладывает штрихи, рука так и мелькает и кажется, что он вообще не смотрит на то, с чего рисует, а просто рисует и все.

— Красиво, — не удержалась сказала я.

Он даже не обратил на мои слова внимание, а может не услышал весь в работе, но я не отошла, а была буквально заморожена его работой, как она превращалась во что-то сказочное. Казалось, что на его рисунке вот-вот появится эльф на калибре и они скроются в ветвях дерева, я стала замечать блики на траве как будто она после дождя, как это ему так удалось передать.

— Круто, — чисто по-человечески выплеснула я свою эмоцию, и только сейчас он обратил, что около него стоит не просто дерево, а я.

— Ну да, — вяло ответил он и продолжил наносить желтые тени под кустом, — я вас знаю! — Это был не вопрос, а факт утверждения.

— Конечно, — решила вступить с ним в разговор, кто же меня не знает, я, вечно мелькая на экране, то тут, то там.

— Вы мама Женьки, я вместе с ним учусь, видел вас раз в школе.

Женя это мой сын, ему четырнадцать, а через неделю исполняется пятнадцать, в следующем году заканчивает школу, не ужели он уже заканчивает школу, как быстро кажется еще вчера зеленой мазала ему шишки, жутко любил их показывать и ждал пока я их помажу, а после бегал во дворе и гордился ими как медалями. С Максом я познакомилась на том же телевидении, после того как запустила спорт, поступила на литературный факультет, хотела писать рассказы, подсказали, что новый дух времени требуется в новостях вот и пришла и с тех пор все как закрутилось, даже не помню уже когда родила, а Женей у меня занималась мама, она как вышла на пенсию напоминала домашнюю кошку которую вынесли на улицу и посадили на дорогу, она прижалась к земле и оцепенела от ужаса, что ей теперь на этой пенсии делать и только рождение Жени ее спасло от неминуемой депрессии.

— А я... — а я и не помню его, была-то всего несколько раз в школе, да и то, чтобы отпросить Женю от уроков, он весь в меня, занимается бегом, спорт для него все, поэтому три раза в год ездит на соревнования, вот и приходится ходить к директору упрашивать, что бы отпустили, — можно, — спросила его, чтобы рядышком присесть.

— Да без проблем, — спокойно ответил мне.

— У тебя потрясающе получается.

— Честно? — спросил он и посмотрел мне в глаза.

— Да, — и за чем-то закивала головой как бы придавая больше значимость утверждению.

— Это хорошо, — пробубнил он, — когда кому-то это нравится, приятно, значит не зря.

— А ты давно уже рисуешь? — порой не люблю свои глупые вопросы, ведь и так ясно, что давно и что он всего себя отдает этому искусству, достаточно посмотреть на его пальцы.

— Нет, примерно лет восемь, — он это так сказал, как будто живет вечно, и для него десять или пятьдесят лет ничего не значит, — буду поступать в училище, а если поучится, то в институт, в этом году у меня защита, недели три осталось.

— У тебя все получится, обязательно.

— Знаю, — так же спокойно ответил он, не отрываясь от рисунка.

— Хорошо, что уверен в себе.

— Да только надо еще руку набить с портретом, а так у меня уже почти все готово — и он замолчал, как будто забыл про меня.

— Ну ладно, — стало неловко отрывать его от работы, — желаю тебе удачи.

— Спасибо, — все так же, не отрывая взгляда от рисунка вежливо ответил он, — если у вас есть время приходите.

— Куда?

— У меня мастерская...

— Мастерская? — удивилась я.

— Ну она не моя, она Сандвина, может слышали.

— Конечно слышала, — я ходила на его выставки, не очень понимаю его творчество много мрака, тяжеловаты его картины, тени, блики, даже если у него рисунок дня, то и, то тяжелый, как сквозь солнцезащитные очки.

— Он часто уезжает, а я слежу за его цветами и рисую в его мастерской, около гостиницы Восток, в центре.

— Да знаю, — однажды я была в одной из такой студии, забегала заснять скульптуры, даже не помню уже художника, женщина была, не девятом этаже, — там еще на первом магазин студия.

— Верно, приходите, я там каждый день после трех работаю, дверь зеленая.

— Хорошо, я постараюсь, — хотя ведь знала, что не собираюсь ни куда идти, у меня и так времени мало, но зачем-то пообещала. Однако каждый раз проезжая мимо этого дома я вспоминала юношу, а ведь я так и не спросила как его зовут, может у Жени спросить, хотя не стоит и все же я вспоминала его удивительный рисунок, какой-то уж очень необычный, буквально воздушный, по настоящему сказочный, вроде бы все как обычно, дома и дорожка, деревья и небо, но нет все не так, по настоящему сказочно, наверное именно это меня и подталкивало еще раз с ним встретиться, но что говорить, он мне в сыновья годиться, а в искусстве я не очень разбираюсь, дилетантка. И все же, что бы отбросить всякие сомнения и ненужные мысли я специально приехала к трем часам этот дом, поднялась на скрипучем, ужасно тесном лифте, как они вообще сюда хоть, что-то заноса, такие же тесные лестничные проемы, тот и диван-то не подынешь, думала я, подходя к зеленой двери, а она была одна такая чудная.

Позвонила несколько раз, тишина, подождала с минуту и опять позвонила, наконец за дверью зашуршали шаги и скрипнул замок, и она открылась. Лицо у юноши было помятое, волосы как ерш торчали во все стороны, как будто он лазил по трубе в место ершика.

— Привет, — по-дружески сказала ему, хотелось правда возмутиться, мол не заставляют даму так долго ждать.

— Извините, я там, там цветы поливал, — и махнул рукой куда-то себе за спину.

— Можно? — не дождавсь приглашения спросила я.

— Да, да, проходите, я тут сейчас, — и сделав несколько шагов чуть не сшиб в углу стоявшие доски.

Запах краски, как давно это было, ее я запомнила на всю жизнь, однажды в Питере я уже была в подобной мастерской, они мало чем отличаются, раньше их предоставляли тем кто

входил в союз художников, а после кто мог купить себе площади, но выглядели они почти все одинаково, комната с хламом, заготовки, смотря кто чем занимался, деревом, глиной, картины или метал, комната где все творилось, она же и выставочная и если позволяла еще площадь то комната для отдыха, ведь почти все художники тут и живут, ну еще кухня и ванная, что бы руки отмыть.

Запомнила этот запах, он кажется вьелся у меня в подсознание, там в Питере я была на курсах повышение квалификации, ездили много вот и увлеклась одним художником, даже не знаю почему, так романтика, Питер, девушка одна, ночи и тоска по дому, вернее по сексу. Тогда я уже была замужем и родила сына, ему было три года, Макс вечно в командировках, получил должность режиссёра выходных передач, а поскольку перестройка, все искали, что-то новое, что-то непохожее на застрой, вот они и рыкали с оператором и корреспондентом по всем городам и поселкам Тюменской области. Я его люблю, но как-то за работой все стало стираться, стало обыденным, ты уже не ощущаешь вкуса еды, не чувствуешь тепла солнца, ты просто бежишь и бежишь, а тут в Питере в стало на свои места, а еще он. Красавчик, как в кино, бородка, рваный шарф, грязные от красок руки и вечно говорил не впопад, вот и прилипла к нему. И именно в его мастерской я первый раз изменила мужу, а ведь не хотела, просто вскружилась голова, так хотелось ласки, нежности, спокойствия и удовлетворения от секса, но ничего этого не оказалось, разве, что секс был, но он такой странный был, что я даже ничего не помню, ощущение, что зашла в ванную и через минуту вышла, так и не ощутив прилив сил от воды.

Было полное разочарование. Было несколько возможностей на стороне, но отказалась, боялась, что все опять повториться. Если женщина говорит, что у нее никогда ничего не было на стороне, то чаще всего она лукавит или не было возможности, случая, но, когда он есть, как женщина, так и мужчина стараются не упустить его. Ах, я потом жалела, вот только не знаю, о чем, о том, что не решилась или по тому, что была просто не активна, как ни странно женщине так же тяжело найти партнера на стороне, как и мужчине, у нас у всех свои стереотипы, заложенные в сознание мы не с каждым готовы, ищем свои идеал, ну почти идеал, а после сомнения, а в друг это выплывет наружу, то есть страх за себя, за семью, как ни как это дом. Но если все складывается как по картам, то сомнения уходят в стороны и становишься на время свободен от обязательств, вреде бы просто разовый флирт, разовый сек, без обязательств и последствий, но ты выпускаешь пар, что скопился в тебе, эмоции, удовлетворяешь голод чувств и ты опять живешь обычной жизнью, как все, как всегда.

Запах краски, я стояла в коридоре и в дышала его, было приятно вспомнить, давно это было, очень давно, все, что было плохое забылось, только запах остался неизменным. Юноша появился из ванной, впопыхах причесался, пытался пригладить волосы и все суетился вокруг меня, приглашая войти в мастерскую. Да все те же мрачные картины, но среди них были яркие, как лучик света, они были его.

— Кстати Галина, — наконец решилась представиться и протянула ему руку и тут же добавила, — Николаевна.

— Лешка, — тут же отпартовал он и пожал руку, — может чай?

— Кажется ты хотел рисовать?

— Да... да... — заикаясь сказал он и быстро выскочил из комнаты, — я сейчас, располагайтесь.

— А ты кем хочешь стать? — вдогонку спросила его, ответа не последовала, только шум за стеной.

— Я готов, — в дверях появился Леша, держа в руке большую картонку, прикрепленную на ней бумагой, — хочу оформлять книги, — вдруг вернулся он к вопросу.

— Книжки? — немного удивилась я, я представляла художника это человек, который рисует картины.

— Ну да, сейчас иллюстрации в книгах паршивые, ой, — заикнулся он, — извините, плохие.

— Почему? — и присела в кресло, стоящее посреди комнаты, наверное, специально для модели.

— А... вот... — опять начал он заикаться, положил свою картонку и взял книгу с полки, — это стихи Омар Хайям «Как чуден милый лик».

Я взяла из его рук увесистую книгу и сразу обратила внимание на первую обложку, на ней в графике изображены две фигуры старца в чалме и юной девы, что обнаженной возлежит перед ним. Я начала листать, почти каждый рисунок был с обнажённой девушкой, но все это выглядело так романтично, так легко и спокойно, я с удовольствием стала рассматривать рисунки и даже почитать сами стихи, но больше меня все же привлекали сами рисунки. Грудь, бедра, овал лица, томный взгляд и пухленькие губки, нежно, сексуально, прекрасные рисунки.

— А... вот другая книга, те же стихи, но рисунки посмотрите на них.

Взяла в руки книгу и ожидала увидеть, что-то более романтичное, но в место этого увидела рубленные тела как будто их вытесали из сырой глины, просто ужасно.

— Теперь понимаете в чем разница, он, — Леша имел ввиду художника, — похоже даже не читал текст вот и рисовал всякую чушь.

Я слушала его рассуждения и изредка вставляла слова, это в первые со мной обычно я говорю профессиональная привычка, но теперь слушала его рассуждения и мне они нравились. Я сидела в кресле, а он рисовал меня, как там у него это получается не знаю, любопытство раздирало, но сидела и терпеливо ждала, а он все рассуждал об энергии, о состоянии души, для чего живет человек, что главное это любовь и радость от простого, что нас окружает и это говорит мальчик, который мало, что еще видел в своей жизни, но говорил так как будто прожил не одну жизнь. Удивлялась ему и продолжала слушать.

Наконец он закончил и сказал, что это только набросок, что бы я не судила о нем строго, кажется он даже стеснялся показать мне его поскольку остался сидеть на месте, в прочем было чего стесняться. Я подошла и заглянула ему за плечо. На белой бумаге, углем был нарисована женщина, я сразу узнала в нем себя, плече вздернуто, как будто прикрываюсь от брызг воды, подбородок опущен, хочется спрятать носик и не намочить его, но спина обнажена и из-за руки выглядывает обнаженный сосок, он так нагло торчал на этом рисунке, что невольно почувствовала, как краснею.

Первое желание возмутиться, но я ведь не девочка, меня он опять удивил, он младше меня да двадцать два года, но как он чувствует тело, в своем сыне я не замечала подобного, мне все кажется, что он мальчик, такой же мальчик, но Леша, он иной, он чувствует не только настроение человека, но и его характер. На рисунке была я, но мне было лет на десять меньше, чем сейчас, я была эротична, грудь вздернута вверх как у девочки, но сейчас моя грудь стала овальной и со временем чуть опустилась, время сказало свое, тело стало меняться, как бы я не старалась выглядеть девочкой, молодой, годы уже стали говорить о своем и морщинки, и та же самая грудь уже не та. — Красиво, нежно, — призналась я, наверное, сама себе, чем ему.

— Правда? — робко спросил он.

— Да, — подтвердила я и по-матерински, потрепала его по голове.

Я ушла в смущении, как он мог меня такой увидеть, считала себя гордой даже надменной, но не робкой, всегда держу голову прямо и смотрю вперед, а тут все по-иному, все. Я шла и думала о рисунке, хотя чего там, но меня смущало еще то, что он нарисовал меня полуобнаженной, совершенно незнакомый человек, мальчик, еще мальчик, но взгляд мужчины, на душе такое ощущение, что я позировала ему в действительности в обнаженном виде. Стоило прийти к такой мысли как в груди что-то заскрипело, как не смазанная телега, с трудом поворачивая колеса, скрипит и медленно, нехотя трогается. Прижала ладонь к груди, ныло, так ныло, так давно я не испытывала такого чувства, смущения и откуда-то появившийся стыд.

После я еще несколько раз заходила к нему, так просто, он угощал меня чаем, сам собирал травы, прекрасный чай, но главное в его мастерской такой покой, будто время останавливается. У него постоянно играла запись, кажется она бесконечная, пели лесные птицы, сперва она меня раздражала, но прислушалась стало интересно, а потом уже не могла представить эту мастерскую без птиц. Теперь Леша мало говорил, сосредоточено, что-то рисовал, я не спрашивала, что, просто сидела и отдыхала у него и мне было очень грустно, что рано или поздно приедет хозяин и я перестану сюда заходить, а в прочем, что я тут вообще делаю, как девочка прихожу к нему на молчаливое свидание. Мне стало смешно от этих мыслей, но это именно так, я прихожу, но несмотря ни на что я смотрела на него и даже любовалась, удивительно как это я могла так поступить, сидеть и любоваться мальчиком, а он красивый, влюбилась бы если была девочкой.

Каждый раз подходя к дому у меня щекотало в груди, возникал стыд, что тащусь наверх и звоню в дверь, но я не могла поступить иначе, мне хотелось еще чуточку побыть там, а в голове вертелся все тот рисунок где он, не спросив меня нарисовал так откровенно. В конце концов я не выдержала и спросила.

— А у тебя модели есть? — в своем голосе почувствовала надлом.

— Нет, что вы, откуда, это дорого, портрет рисовал, вот может в следующем году если поступлю, то получится.

Я молчала и смотрела на него как он пыхтя черкал грифелем по листу, он то улыбался, но хмурился, о чем он думает, когда рисует, придумывает свои истории, что бы оживить свои фантазии и тут он опять заговорил.

— Однажды я предложил Оле, вместе учимся, она посчитала меня бзикнутым, чуть по шее не надавала, — тут он шмыгнул носом и сам себе улыбнулся, похоже все же она ему надавала.

— А хочешь... — я остановилась, не зная стоит ли продолжать и все же продолжила, — хочешь я могу немного тебе попозировать как модель.

— Да?... — удивленно не веря своим ушам спросил он.

— Да, — утвердительно сказала я, — а в груди все так и скрежетала, чьи-то коготочки так и впились в грудь.

— Здорово, — только и вымолвил он, глаза хлопали, а пальцы не знали куда деть карандаш, мне стало смешно, — ну да, ведь тебе нужно практиковать руку, ведь так ты говорил.

— Да, — нараспев сказал он, — я сейчас, — он быстро соскочил и выбежал и уже через минуту вернулся с новым листом и уселся, — я готов, — отрапортовал он.

— Э... — такого поворота я не ожидала, думала поговорить, хотя считала, что зря вообще это

сказала, была минута, когда я расслабилась, размечталась и растаяла в своих мечтах, я просто дурочка, но уже глупо было отпираться, перенести на потом, а после, но нет, в груди все так ныло, так ныло, хотелось восхищения, восторженного взгляда, а еще, не знаю, я не могла себе признаться, хотелось просто внимание пусть не мужчины, а мальчика, удивительно, но я истосковалась по этому ощущению в груди, а она так ныла, — прямо сейчас? — немного испугано спросила я.

— Я готов, — повторил он и стал крепить лист бумаг к планшету.

Тяжело, как будто на плечах был тяжеленный рюкзак я встала с кресла и стараясь держаться более ровно вышла из павильона. Голова гудела, но мысли так и плясали, как мячик в пинпонге прыгали из стороны в стороны и ни одной идеи, ни одного решения. Я зашла в соседнюю комнату где стоял диван и что теперь? Покрутила головой, он там ждет, но я взрослая женщина, мать его одноклассника, журналистка, у меня репутация, я известна, и я не могу вот так, глупо, просто глупо, но зачем же тогда говорила, так, чтобы поиграться, чтобы потом вот тут стоять и ныть на саму себя. Мне было стыдно за свои слова и уж подавно за поступки, я не должна была так поступать и вообще не должна была сюда ходить, что подумают если кто узнает, вот вляпалась.

Посмотрела на стены, я и раньше видела их, но как-то не придавала значения, на стенах висели маски, разные их было с десятков, были карнавальные, большие с рожками, а были новогодние для человека X, были Венецианские с колокольчиками, а были просто с перьями, одну из них я сняла и посмотрела на нее. Большие глаза, золотистый нос, мелкий узор переходит в радужную окраску по краям, а по середине как у принцессы, большое фиолетовое перо. Не такие, а попроще мне покупал папа на новый год, мы кружились вокруг елки и пели песни, а после рассказывали истории и загадывали желания и мне казалось, что меня никто не узнает, это только я вижу их такими как они есть, хотя мама и папа были в масках. я уже хотела присесть обратно в кресло. Все так произошло быстро, с кажу честно я так и не успела ничего подумать, просто почему-то, что-то меня дернуло поступить так, что-то играло, глупо, наивно играло в душе, толи воспоминания моей юности, но и тогда я так не поступала, была целомудренной, следила за своими поступками и не допускала вольности со стороны парней, но что сейчас, что изменилось? Я села на барный стульчик, не очень удобно, машинально прикрыла грудь, но от этого стало еще более отвратительно, какая глупость, только и твердила про себя, мне что делать нечего, ищу приключения на свою ж,... допрыгаюсь, кто узнает, сын, знакомые. Я сидела и мучилась этими вопросами, а он уже устроился и начал делать наброски, ему удобней сидеть, а у меня уже за минуту спина затекла, опустила руку, медленно, решила, я ведь не девочка, я мать и взрослая, серьезная женщина, не пристала мне жеманничать, если уж решила, то пусть рисует.

Так я просидела несколько минут, стало совсем не в маготу сидеть, будто час прошел, время тянулось, а стрелка буквально застыла на месте, спина совсем занемела, но через какое-то время привыкла, выпрямила плечи, грудь в перед, она красивая у меня гладкая, женственная, сказала бы, что даже бархатистая и очень чувствительная, стоит мне о чем-то сексуальном подумать, как соски сразу подхватывают мысли и начинают темнеть, сейчас они были как жаренный каштан, темно-коричневыми и покрылись густыми, толстыми морщинками, что за напасть, ведь я ни о чем сейчас и не думаю, лишь бы поскорей он закончил, может спросить или все же подождать. Посмотрела на юного художника, он так увлеченно рисовал, изредка смотрел в мою сторону, куда именно не знаю, взгляд был быстрым, молниеносным и сразу

возвращался к листу бумаги.

А он ничего, красивый малый, вздернутый носик, тонкие пальцы, вытянутое лицо и брови лохматые, такие же, как и его волосы, все торчат в разные стороны, а глазки, какие глазки, как у щенка, такие томные, преданные, просто душевные. О боже, о чем я только думаю, что за глупость, он ведь в сыновья мне годится, вот зараза от безделья что только в голову не лезет. И все же он ничего и мне приятно сидеть, уже нет какого-то страха или укора, так только неуверенность в рисунках, в их дальнейшей истории, а в прочем какое мне дело, моего лица не видно, я в маске, а тело, ну мало ли у кого оно может быть. Маска, от этого слова мне стало совсем хорошо, я как бы здесь и в тоже время нет, как будто стою за окном с односторонним видом, я вижу всех, а зрители только свое отражение и тут я заулыбалась, как здорово, все же как здорово, что решила позировать, интересно посмотреть, что получится, а в груди так и щемит, так и щемит.

Спустя минут тридцать он закончил, робко сказал, что можно вставать, скрипя как старуха, я выпрямила спину, кажется все скрипело и ныло, осторожно сползла со стула, повела плечами, дернула ногой, мурашки в пятке, все же отсидела ногу, но прошло быстро. Я подошла к нему и заглянула за спину. Обворожительный рисунок. Это была первая моя мысль, он так и нарисовал меня в маске, уголь, черные контуры, плечи опущены, руки как лианы вдоль тела, фигура выглядела непропорционально длинной, но это придало ей характер усталости, я почувствовала обессиленное тело, опущенный взгляд и этот черный лобок, он буквально как на мишени находился в центре листа и хочешь или нет но ты смотришь на него, как будто это основной элемент рисунка, в животе заурчало и я ощутила как в груди все стало медленно сжиматься, а в паху стало горячо. Сделала шаг назад, как бы отстраняясь, что бы он не увидел то, что я ощущаю, поразительно как чувственно это смотрится, несколько росчерков угля, а сколько эмоций, настроения. Сделала еще несколько шагов назад, пальцы коснулись пушка на лобке, кудрявый хохолок он так нагло выпирал в перед и светился на моей белой коже. Не думала, что это так сексуально. Быстро развернулась и вышла из мастерской.

В груди ныло, такое старое, почти забытое чувство, желания быть любимой, не просто женщиной, а что бы тобой восхищались, любовались, что бы мужчины робели при твоём виде, перешептывались и думали всякую глупость, кто я, как меня зовут, что я тут делаю, и могу ли я, да могу, я многое могу. Улыбаясь зашла в соседнюю комнату, сняла маску и посмотрелась в зеркало, оно было старым, серебро потрескалось, но в нем отражалась прекрасное тело женщины, сейчас на меня никто не смотрел и ладонь легла на лобок, а пальцы медленно стали перебирать торчащие волоски, они коснулись губок, какие они горячие, прижала палец, горячие и влажные. Отдернула руку как будто прикоснулась к чему-то запретному, чужому, скосила взгляд и посмотрела на проем в дверях, Леша даже не встал со стула, я не слушала его возни, сделав несколько вдохов и набравшись смелости пальцы опять скользнули по волоскам и углубились ниже прямо между предательских губок. Они буквально сочились, они были не просто влажными, мокрыми, они были готовы, в груди все заныло, я молча заскулила, закусила губу, прикрыла глаза и набравшись сил убрала пальцы.

Поблагодарив его, я ушла, хотелось, хотелось, чего-то такого, такого, что бы я запела и запрыгала от радости, но не могла поверить себе, что я еще способна на подобные мысли, что во мне еще не все угасло, а ведь когда-то это было обычным для меня, но время стирает как

ластик и вот опять это ощущение, эти желания и пробудил во мне этот мальчик. Мне было по-настоящему стыдно, придя домой увидев сына, мне уже казалось, что он знает где я была и что сделала, но нет, все как обычно, он поцеловал меня в щечку, эта привычка у него и меня сохранилась с детства и я ценю ее, он ничего не знал, все осталось в тайне, да и чего это я так переживаю, ведь я там в маске, за ширмой, за тем самым зеркалом который меня спасает и Леша обещал, а я ему почему-то верю.

Время меняет тело, я злилась на себя, очень сильно злилась, не могла забыть то как позировала, то что чувствовала, было неловко за свое стареющее тело, хотелось молодости, бодрости в мышцах, что бы опять живот был подтянут и могла садиться на шпагат, делать мостик и крутится на брусьях, что-то я могу, но что-то потеряно безвозвратно. Я смотрелась в ванной в зеркале, дома никого не было, неуверенно прошлась по квартире обнаженной, очень непривычно и зябко и это не смотря, что на улице уже июнь, лето. Как по ритуалу, после самого рождения ребенка его заворачивают, дают одежду, и он носит ее до конца своих дней, боится снять, даже ночью и то спин в пижаме, под одеялом, тело перегревается, наращивает слои жира, органы начинают неправильно работать и пошло-поехало, а виной всему не сам климат, что холодно, а мораль, которую привили нам с детства родители, а им их родители, а им религия. Мне нравится мое тело, оно молодо, я так считаю, это мой храм, я забочусь о нем и в душе рада, когда им восхищаются, смотрят с легкой завистью, а мужчины прищурившись косятся и посылают многозначительные знаки. Да это приятно, но я в последние дни все думаю о той студии и о юном художнике и как бы я не сопротивлялась не уговаривала себя не идти больше туда, я все же собралась и пришла.

Шла как на свидание, переживала, утром был репортаж у губернатора, поэтому оделась помпезно, светло синий костюм, жилетка и белоснежная блузка с перламутровыми пуговицами, юбка чуть ниже колен и серебряный браслет, его мне подарил Макс в прошлом году. Больше съемок не намечалось, и я ушла со студии пешком, хотелось пройтись и еще раз подумать, но чем больше думала, тем больше было уверенности, что мне надо обязательно прийти, во, что быто ни стало прийти и я шла к нему, к юному художнику, просто послушать пение птиц.

Он как всегда не сразу открыл и явно был удивлен моему приходу, наверняка думал, что все я упорхнула и больше не появлюсь. Леша явно смущался, был немного не в себе, то предложил чаю, то убежал в мастерскую, то опять молчал и теребил ворот рубахи, он такой забавный, милый, застенчивый и честный, наверное, это мне в нем и понравилось, через минуты тридцать мне удалось сломать в нем стену, он разговорился и стал трещать о всякой всячине, то про энергию клеток, что клетки имеют свою частоту и если она сбивается происходит просто их разрушение, то говорил про соль, что если ее много то сердце страдает и еще много о чем. — Работать сегодня будем? — спросила я его, — я готова, — тут же добавила.

— Да?... — как-то неуверенно ответил он, толи спросил толи утвердил, что будем работать.

— Ну я пошла, — сказала ему и вышла с кухни.

— Куда? — растеряно спросил он.

— Раздеваться, что же еще, — не поворачиваясь сказала ему, а у самой в душе птицы запели.

В этот раз я быстро и аккуратно сняла одежду, у меня один такой костюм, сверху положила блузку, боялась испачкать, кругом столько пыли, плавки под юбку, а после стала выбирать себе маску, хотелось необычную, но выбор все же пришел на самую, что ни наесть простую маску, она не мешала и прикрывала, вот только, что она могла прикрыть, разве, что просто

отвлекала внимание от самого лица. Надев ее, подошла к зеркалу, опять стало неловко и даже боязно, сегодня на мне не было того самого черного пушка, что прикрывал лобок и придавал дополнительную мнимую защиту, я специально еще вчера вечером его сбрила, Макс так и не заметил этой удивительной перемены. В зеркале отражалась молодая женщина, игривые глаза, улыбка на лице, застенчивая поза, что прикрывала ладошкой свой белоснежный лобок, она подмигнула сама себе и вышла в коридор.

Я вошла гордо и спокойно, грудь щемило, но я не стала ее прикрывать, только вскользь посмотрела на нее, соски выпирали и были почти черными, сперва я повернулась к нему спиной, как бы рассматривая куда присесть, а после медленно развернулась к нему лицом. Лицо стало краснеть, его и мое, по спине пробежала волна как будто провели рукой, я чуть вздрогнула, грудь спокойно качнулась. На мгновение я потеряла дар речи, хотелось сдвинуть с мертвой точки время, но не могла, я ощущала, как его взгляд буквально прыгает по моему телу, я чувствовала его, даже если бы закрыла глаза, взгляд материальный и в этом я сейчас убедилась.

— Я могу постоять, — наконец у меня получилось с трудом произнести эти простые слова.

— Да... — заикнувшись ответил Леша и потянулся за углем.

Я не стала отворачиваться, мне наоборот хотелось стоять так, чтобы моя нагота была наиболее откровенной, наиболее женственной, эротичной, вызывающей, провокационной. Он принялся за работу, я смотрела на него и любовалась его руками, как он ловко проводит пальцами, любовалась его подбородком, на котором только-только появилась щетина, я любовалась его худыми плечами, ногами, он был босиком, заметив это я улыбнулась. О чем он думал, даже не знаю, дышать стало легче, немного успокоилась и уже не так сильно стеснялась своего голого лобка, для женщины моего возраста, наверное, это не подходит, хотя, что вообще подходит, позировать перед юношей и еще тащится от этого, что вообще мне может подойти? Ах. Глубоко вздохнула я, соски то сжимались, то буквально растворялись, то опять сжимались, они издевались на домной, но за ними было интересно наблюдать и я отвлеклась. Теперь слышала пение птиц, доносившихся из динамика, скоро мы только так и сможет слушать их, в больших городах почти не остается деревьев, а если и живут птицы, то только воробьи да глупые голуби.

Минуты медленно потекли, моделям действительно тяжело работать, надо стоять и не шевелиться, сохраняя изначальную позу тела, а это очень тяжело, по крайней мере с непривычки. Леша усердно работал, кажется он перестал волноваться и теперь полностью погрузился в работу, ему хотелось быстрее нарисовать, его руки так и мелькали, вот только я так и не успокоилась, по-новому заняло в груди, ком в горле и ужасное желание пошевелится.

— Можно я разомну ноги? — по дески спросила я у него.

— Да, конечно же, — быстро отозвался он и опять робко коснулся лобок.

Мне хотелось улыбнуться ему, но что-то сдержало, меня пугала разница в возрасте, хотя душой я была все та же девчонка, но возраст, вот странная штука, всего-то цифры, но так много значат. Сдерживая себя и делая гордый, почти надменный вид, пусть не думает, что если мать его одноклассника ему позирует, то все дозволено, нет он мальчик и не более того. Повернулась к нему спиной, тяжело было стоять и ощущать этот взгляд, стало легче, но ненадолго, встала коленками на кресло и нарочно нагнулась в перед, не просто, чтобы расслабить тело, а что бы он мог еще чуточку полюбоваться женскими скрытыми от

постороннего взгляда прелестями, пусть познает чуточку тайны женского тела. Не знаю кому больше это доставляло удовольствие ему или мне, но я не спешила выпрямляться, а наоборот, чуточку прогнулась в спине, замерла на мгновение и посмотрела назад. Он быстро опустил взгляд.

— Не бойся смотреть, я ведь модель, — спокойно сказала я, а потом добавила, — и мне приятно.

— Да? — как-то удивленно промямлил он.

— Да, — подтвердила я, и он поднял взгляд, — женщине нравится, когда ее разглядывают, и я не исключение, — на этих словах я выпрямилась повернулась к нему лицом, его взгляд опять опал.

— Вы красивая, — пробубнил Леша.

— Скажи еще, что ни будь, — попросила его.

— Вы красивая, — повторил он, я подняла брови, давая понять, а что еще кроме этого ты можешь сказать, — сексуальная, — и опять опустил взгляд.

Я бы сама отвернулась от этих слов, мальчик смотрел на меня не просто как на модель или как на женское тело, он видел во мне сексуальность, а значит и страсть, значит внутреннее желание, значит он не такой уж и мальчик коли нашел в себе силы и смелость сказать так открыто.

— Спасибо, — поблагодарила я его, мне эти слова были дороги.

Я подошла к нему и потрепала его по голове, хотелось, чтобы он не боялся меня, что бы вел более свободней не как замороженный тюлень, а как друг, он улыбнулся. И тут позвонили в дверь. От ужаса я вскрикнула, как будто кто-то уже ворвался сюда и застучал меня с мальчиком, меня охватил ужас, и я не могла пошевелиться, теперь понимаю, что порой происходит с людьми, в самый ответственный момент они просто теряют над собой контроль и мечутся, совершая одну ошибку за другой.

— Это, наверное, Олег Григорьевич приехал.

— Кто? Чуть ли не в истерике спросила я его.

— Сандвина, это его мастерская, — он встал и уже пошел к двери открывать, — вы не бойтесь, он свой человек.

— Постой, — крикнула ему и убежала в соседнюю комнату.

Через несколько секунд щелкнул засов, и кто-то вошел в коридор, голос был спокойный, уверенный. Мне некогда было прислушиваться в этой комнате не было двери, тут вообще не было дверей, странно, что она еще была в туалете. Дергаясь я напялила на себя юбку, пока не до плавок, схватила быстро блузку, времени на то, чтобы одеть лифчик не было, просто боялась, что сейчас войдет хозяин, не застегнув ее поверх натянула пиджак и уже после стала, путаясь пальцами в пуговицах застегивать ее.

— Добрый день, — вдруг услышала у себя за спиной.

— Здравствуйте, — еле дыша поворачиваясь сказала я.

Он не был таким старым как я себе его представляла, да я и не знаю, как он выглядит, только имя его слышала и все. Он по-хозяйски вошел в комнату, Леша, сконфуженный стоял в дверях.

— Там сумка, заberi ее, — Леша тут же вышел.

Я еле дышала и все старалась закончить застегивать блузку.

— Ваше? — спросил он у меня указывая на брошенный лифчик и плавки.

— Да, — сдерживая дрожь в голосе сказала я и быстро схватила их.

— Вы кто?

— Галина, — смысла врать не было, — я позировала Леше.

— А... — протянул он и прошел мимо меня, не забыв при этом шлепнул меня по попке, я почувствовала, как она колыхнулась, вот наглец, возмутилась про себя, но именно это его вольное движение и сняло сразу все напряжение.

Он вышел, а я наконец застегнула блузку, в руках сжимала остатки нижнего белья, но одеть плавки я так и не решилась, а просто запихала все это в сумочку и пошла к выходу.

— Красиво, — вдруг услышала я его голос из мастерской.

Робко я заглянула за косяк, он стоял и рассматривал только, что нарисованный рисунок, Леша стоял рядом понурив голову.

— Молодец, очень хорошо, неряшливо, но молодец.

— Я пойду, — осторожно сказала я.

— Куда? — оторвавшись от рисунка спросил он.

— Не буду мешать, — ища повода сказала я.

— Торопитесь?

— Нет, — почему-то честно ответила я.

— Леш.

— Да, — тут он отозвался.

— Сбегай в магазин купи к чаю, помнишь те пироженки с вишней?

— Да, — утвердительно сказал он.

— Купи их, три штуки, а еще кофе, я же знаю, что его у тебя нет, вот деньги — и протянул купюру, Леша взял и через мгновение выскочил из мастерской.

Он вроде бы ничего, не такой уж и страшный как мне показалось изначально, и вообще он ведь художник наверняка сотни раз рисовал модели и это для него не в новинку и чего это я испугалась его, вот глупенькая, но сердце так и не успокоилось, все колотилось и колотилось. Он ушел на кухню, гремела посуда, идти за ним или подождать, нет все же стоит помочь, поставить чайник и всполоснуть чашки. Он убрал со стола все, вытер его влажным полотенцем, потом протер, стол был старым, на толстых ножках, его даже с места трудно сдвинуть, люблю такую крепкую мебель. Взяла заварник, ложечку и насыпала немного заварки, Леша говорил, чтобы почувствовать аромат надо немного сыпать иначе вкус и аромат пропадет, я так и сделала.

Он стоял за спиной, ощутила любопытный взгляд или это у меня уже паранойя, закрыла заварник и стала ждать пока вскипит чайник.

— Давай сюда, — и взял его из моих рук.

Меня пронзило. Как будто ударило током, все тело вздрогнуло и грудь сжалась. Вам, когда ни будь говорили, что можно передавать прикосновением энергию и эмоции, вот именно это я и испытала, эмоции, они были такими сильными, наверное, такие бывают только у сильных и уверенных в себе людях и за ними всегда идут, просто верят в них идею и идут. Хрустнули колени, он присел, тут же пальцами быстро как будто делал это не один раз расстегнул у меня юбку и быстрым движением, я даже не успела осознать, как юбка уже была на полу.

— Подыми ножку, а то помнешь, — как ни в чем небывало сказал он.

Как под гипнозом я переступила через край юбки, он выпрямился и аккуратно положил ее на стул, чувство благодарности, что не бросил, но то, что я стояла к нему с голым задом,

почему-то меня не взволновало. Я опять вспомнила запах краски, как тогда давно в мастерской в первые изменила мужу, сейчас сердце запело, все было по-иному, а ведь я его знаю всего-то несколько минут. Повернулась к нему. Смотреть в глаза стеснялась, вот только почему, как будто провинилась перед ним, а он взял меня за бедра и как пушинку, просто так взял, поднял и посадил на стол. В паху заняло, так глубоко, так сильно, что невольно сжала ноги вместе, иногда так поступаешь, когда ударишь локоть, прижимаешь к ладони как можно сильнее и боль проходит, вот и сейчас сжимала ноги до боли в суставах.

Он никуда не отошел, а медленно, как будто специально, расстегнул джинсы, я смотрела на его руки как он опустил молнию, как стащил их с себя вместе с плавками и член медленно, как удав поднял свою голову вверх и ткнулся мне в коленку. Я прекрасно понимала, что происходит, и я никуда не хотела бежать, я сильная и сексуальная женщина.

— А Леша? — робко спросила я, не хотела, чтобы он увидел меня вот так, как будто я его предаю, как будто изменяю ему, а не мужу.

— Минут через тридцать только придет, — кратко ответил он.

Тридцать минут, целых тридцать минут, много это или мало, все зависит от времени как оно повернется ко мне, я медленно повалилась на спину, грудь под блузкой покатила, вздыбленные соски выделялись даже под пиджаком, откинула голову и посмотрела в потолок. Я лежала как жертва, как символ дани, как обреченная и сейчас начнется ритуал, а я лишь его часть, лишь безмолвное тело которое молча отдастся его прихоти.

Он положил руки на колени, сперва я хотела их сжать, но сама развела ноги в стороны, пошло время, секунда за секундой. Все ныло, буквально ныло, спазмы исходили изнутри, наверное, так назревает извержение вулканов, сперва все тихи, но давление растет и с каждым часом, минутой, секундой оно нарастает и в один момент, эту силу уже ни что не сможет остановить и тогда утроба матери земли вышвыривает высоко в небеса свою огненную жижу, которая испаряется, отравляет себя вокруг себя, сжигает и поглощает все к чему только прикоснется. Шлепнул по голому, незащищенному лобку, я вскрикнула не от боли, а от неожиданности и он опять шлепнул меня еще и еще раз, я взвыла от непонятого наслаждения, мне хотелось еще и еще, и он опять шлепнул ладонью по нежной коже, и я заскулила от удовольствия.

Мне стало стыдно, что я так себя веду, тело и мысли разделились, в мыслях я укоряла себя, но тело извивалось и хотело продолжения. Я не успела опомниться, его член ткнулся головкой мне в губки и сразу стал скользить, как камень брошенный в воду, не встречая никакого сопротивления погружается все глубже и глубже до тех пор, пока не коснется дна, так и его член просто скользил, легко и свободно, погружаясь в глубь моего тела, он уперся, достиг дна. Тело вздрогнуло, и он остановился.

Этот назойливый запах краски, почему я его опять чувствую, ведь когда Леша меня рисовал, я забыла о нем, только пение птиц, а сейчас я слышала, как по улице едут машины, пиканье светофора. Пропала романтика, все мгновенно стерлось, испарилось, я ожидала многое, думала, что вот оно, настало, но ничего, он просто трахал меня и все, тело тряслось, подпрыгивая на столе, мне не хотелось даже думать о том, кто я в данный момент, что тут происходит, я просто знала, что я в очередной раз изменила мужу и не получила взамен ничего, только пустоту, разочарование и этот назойливый запах краски.

Он кончил так же быстро, как и начал, будто боялся не успеть, его член выскользнул, старая, застоявшаяся, даже тут я ощутила ее тяжелый запах, сперма потекла мне на живот, я быстро

подтянула блузку и пиджак, боялась испачкать. Он закончил свой ритуал и отвалил в сторону, я чувствовала, как мои губки онемели, они так и не сомкнулись отставит раскрытым ту глубокую впадину, что он во мне сделал. Боль в душе, отчаяние, захотелось даже зарыдать, я готова была на все, буквально на все, но хотела получить в замен хоть, что-то, я рискнула и поставила на кон все и проиграла.

Встала, сходила в ванну, он ничего мне не сказал, возился с чаем, одела юбку, поправила блузку и пиджак, плавки и лифчик так и не одела, на душе было пусто, но виду решила не подавать.

— Тепе понравилось? — вдруг спросил он у меня.

— О, да, — откровенно соврала ему.

Через минуту пришел Леша, мы спокойно попили чай, едкий запах растворимого кофе, раздражал меня так же как запах его спермы, невольно я сморщилась, взяла чашку и пошла в мастерскую. Они минут десять посидели, а после он вышел.

— Ну ладно, сын, я пошел, — сказал он Леше и стал одеваться.

Сын! Меня как будто взорвало, я подпрыгнула и отвернулась, даже не хотела думать, что я вообще натворила, что испортила, а в мыслях так и зудил вопрос. Как я могла, как? Все испортила! На глазах навернулись слезу, захотелось уткнуться в подушку и зарыдать, по-женски от отчаяния зарыдать, иногда помогает, но я не могла, я сильная женщина, и когда он сказал мне пока, я улыбнулась ему и пальчиками помахала, говоря тем самым, пока, пока. Дверь захлопнулась и наступила тишина и опять я услышала пение птиц и опять стало спокойно, как будто и впрямь тут не существует времени. Леша зашел в мастерскую неся пироженку и чайник.

— Да, извините, что сразу не сказал, мы редко видимся.

— Как?

— Мама давно развелась, но он иногда заходит, принес бумагу, она у меня кончилась.

— М... — многозначительно промычала я.

— Он так-то ничего, бывает правда иногда, но я не сержусь, а вообще он хороший, жал, что ушел.

Да и я уже не злюсь, какое мне до него дела, он прошлое, и о нем не стоит даже думать, хотя мерзко на душе не из-за него, а из-за себя. Уйти прижав хвост я не могла, не в моем это характере, я не трусиха и не позволю кому-то вот так лишиться меня моих романтических чувств.

— Продолжим! — уверенно сказала я и пошла в комнату раздеваться.

Я не изменилась, все так же прекрасна, прелестна, нежна и сексуальна, он только воткнул в меня свой орган и не более, он решил, что выше меня, но он ошибся. Сняла юбку, погладила лобок, гладкая, бархатистая кожа, еще час назад стеснялась как девочка жалась, но сейчас нет хотела, чтобы он восхищался моим телом, наслаждался увиденным, а можно и проще сказать, просто тащился от того, что может смотреть на меня, на женщину, на мать друга, на корреспондента, который ежедневно выступает на телевидении, на то, что так или иначе, но скрыто от посторонних глаз. Однако я высокого мнения о себе. Шлепнула ладошкой по лобку, тихо охнула и вышла в коридор. Пиджак я так и не сняла, я не забыла одеть маску, специально ее не стало снимать со стены, может это и к лучшему. Вошла в мастерскую, положила на пол плед, Леша молча наблюдал, присела, на секунду задумалась, легла так, чтобы сильно не помять пиджак, почему-то именно о нем я в этот момент подумала,

вытянула по струнке ноги и зачем-то положила руку под голову, машинальный рефлекс, что так более оригинальной, но тут же убрала, банально, одна рука на живот, другая рядом, одну ногу согнула и отвела в сторону, сразу ощутила, как сквознячок что тянулся по полу, коснулся лобка. Я закрыла глаза и погрузилась в свой мир иллюзий.

Время шло, оно вообще никуда идти не может, это мы придумали, что время идет, лишь события меняются одно за другим и на основании этого мы и делаем вывод, что оно куда-то идет. Я лежала и думала о своем, нет не о мальчике, что меня рисует, почему-то я думала о работе, о том, как завтра надо снимать делегацию, может меня эти мысли успокаивали, отвлекали от реальности, да может и так, может я боялась думать о юном художнике, о том, что он видит и то, что я сделала. Я просто лежала, дыхание было медленным и спокойным, вот только соски так и продолжали нагло торчать и выпирать даже под пиджаком. Время шло.

Елена Стриж © (2016)